

Tove Jansson

НЕВИДИМАЯ ДЕВОЧКА И ДРУГИЕ ИСТОРИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«АЗБУКА»

Муми-тролли (новый перевод)

Тове Янссон

**Невидимая девочка и
другие истории (сборник)**

«Азбука-Аттикус»

1962

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

Янссон Т. М.

Невидимая девочка и другие истории (сборник) / Т. М. Янссон —
«Азбука-Аттикус», 1962 — (Муми-тролли (новый перевод))

ISBN 978-5-389-14197-1

Мир муми-троллей – «это мир, по которому в глубине души тоскует каждый из нас». Правоту этого утверждения знаменитой шведско-финской писательницы и художницы Туве Янссон доказывают её книги, ставшие неотъемлемой частью детства уже нескольких поколений. Наивный и мудрый, тёплый и добрый, несмотря на все бури, которые его иногда сотрясают, этот мир всегда открыт и детям, и взрослым.

УДК 087.5
ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-389-14197-1

© Янссон Т. М., 1962
© Азбука-Аттикус, 1962

Содержание

Весенняя песня	6
Страшная история	13
Филифьонка, которая верила в катастрофы	22
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Тове Янссон

Невидимая девочка и другие истории

© М. Людковская, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа "Азбука-Аттикус"», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Согриш

Весенняя песня

Был тихий безоблачный вечер в конце апреля. Снусмумрик держал путь домой и зашёл уже так далеко, что тут и там на северных склонах стали попадаться пятна снега.

Он шёл целый день по нетронутым холмам и долинам, и над головой неумолчно кричали перелётные птицы.

Они тоже возвращались домой с юга.

Шагалось легко: рюкзак был пуст, а мысли безмятежны. Снусмумрик радовался лесу, погоде, себе. Завтра было таким же далёким, как и вчера, зато здесь и сейчас сквозь берёзы пробивалось ярко-красное солнце, а воздух был прохладным и мягким.

«Хороший вечер для песни, – подумал Снусмумрик. – Новой песни, в которой будет толика приятных предвкушений и две толики весенней грусти, а остальное – бесконечный восторг оттого, что можно вот так просто идти вперёд, одному, в мире с самим собой».

Эту песню он носил под шляпой уже много дней, но пока не решался вытащить на свет. Она должна подрасти и созреть, преисполниться такой радостной уверенности в себе, чтобы все звуки тотчас встали на свои места, как только он коснётся губами гармошки.

Звуки не терпят спешки: вытащишь их слишком рано – они, чего доброго, заупрямятся, и песня выйдет так себе. А порой бывает так, что вообще расхочется её сочинять, и тогда уже больше не поймашь мелодию и не заставишь звучать как надо. Песня – штука серьёзная, особенно если хочешь, чтобы она получилась грустная и весёлая одновременно.

Но сегодня Снусмумрик не сомневался. Его песня созрела, она была готова появиться на свет, и лучше неё он никогда ещё ничего не придумывал.

Он придёт в долину, сядет на перила моста и сыграет её над рекой, а Муми-тролль скажет: «Красивая песня. Очень красивая».

Снусмумрик остановился во мху. Что-то неприятно кольнуло внутри. Муми-тролль... Он так отчаянно ждёт и так тоскует по нему. Сидит дома, грустит и восхищается. «Ну конечно,

ты свободен, – говорит он. – Ну конечно, иди! Я понимаю, иногда тебе надо побыть одному». Только глаза его при этом черны от разочарования и бессильной тоски.

– Ой-ой-ой, – проговорил Снусмумрик и продолжил путь. – Ой-ой-ой. У этого тролля столько чувств! Но не буду думать о нём. Он хороший тролль, но сейчас о нём можно не думать. Сегодня я хочу побыть один со своей песней, и сегодня – это не завтра.

Вскоре Снусмумрику удалось совсем позабыть о Муми-тролле. Он искал приятное место для ночлега и, заслышав журчание ручья в глубине леса, немедленно направился туда.

Меж деревьями погасла последняя красная полоска, и на смену солнцу пришли весенние сумерки – неспешные, синие. Синим окрасился весь лес; берёзы, как белые мачты, одна за другой исчезали в полумгле.

Это был славный ручей.

Прозрачный и тёмный, он плясал над пучками прошлогодних листьев, пробегал по последним, забытым зимой ледяным туннелям, нырял в мох и летел кувырком в маленький водопад с белым песчаным дном. То он, как комар, весело пел в мажоре, а то, притворяясь большим и грозным, громко булькал талой водой и хохотал надо всем вокруг.

Снусмумрик стоял и слушал, утопая ногами во мху. «Ручей тоже зазвучит в моей песне, – думал он. – Возможно, припевом».

Вдруг с плотины сорвался камень, и звучание ручья изменилось на целую октаву.

– Неплохо, – восхитился Снусмумрик. – То, что нужно! Надо же, раз – и новая тональность! Может, стоит написать для ручья отдельную песню?

Снусмумрик вытащил из рюкзака старый котелок и наполнил его под водопадом. Потом пошёл в ельник за хворостом. Лес был мокрый от весенних дождей и талого снега, и, чтобы найти мало-мальски сухие дрова, Снусмумрику пришлось залезть в густой бурелом. Только он протянул руку, как под ёлками кто-то вскрикнул и метнулся прочь. Крики ещё долго не стихали, удаляясь.

– Ну конечно, – ворчал Снусмумрик. – Под каждым кустом, куда ни сунься, ползучая мелюзга и прочие козявки. Какие же они нервные – уму непостижимо. Чем мельче, тем прыгучей.

Он притащил сухой пенёк и немного хвороста и спокойно, без всякой спешки, сложил костёр в излучине ручья. Огонь занялся сразу – Снусмумрик привык готовить сам. Он всегда готовил только себе, и, по возможности, никому другому, а чужие обеды его мало интересовали. За обедом все вечно болтают.

А ещё им подавай столы и стулья, а некоторым и салфетки.

Снусмумрик даже слышал об одном хемуле, который к обеду переодевался в другое платье! Но уж это, наверное, выдумки.

Снусмумрик рассеянно хлебал свой жидкий суп, любуясь зелёным мхом под берёзами.

Мелодия вилась уже совсем близко, и ему ничего не стоило схватить её за хвост. Но он не спешил, наслаждаясь предвкушением. Песня попала в его силки, и теперь ей ни за что не упорхнуть. Сперва он вымоет посуду, потом выкурит трубку, а потом, когда костёр превратится в тлеющие угли и ночные звери начнут перекликаться в лесу, – вот тогда-то настанет время для песни.

Зверька Снусмумрик заметил, когда мыл в ручье котелок. Зверёк сидел под корнями дерева на другой стороне и глазел на него из-под взъерошенной чёлки. Испуганные, но любопытные глазки следили за каждым движением Снусмумрика.

Застенчивые глазки под лохматым хохолком. Будто говорящие: не обращайтесь на меня внимания.

Снусмумрик сделал вид, что не заметил зверька. Поворошил костёр, сгрёб в середину угли, срезал еловых веток, чтобы сидеть. Достал трубку и не спеша раскурил. Пуская в небо изящные облачка дыма, он поджидал свою песню.

Но песня не приходила. Вместо этого он чувствовал восхищённый взгляд, следивший за каждым его движением. Снусмумрику стало не по себе.

– Брысь! – не выдержал он и хлопнул в ладоши.

Зверёк юркнул под корень и оттуда спросил, сгорая от смущения:

– Надеюсь, я тебя не напугал? Я знаю, кто ты. Ты Снусмумрик.

А потом спрыгнул в воду и пошёл через ручей вброд. Это был слишком большой ручей для такого маленького зверька, и вода в нём текла ледяная. Зверёк оступался и плюхался вверх тормашками, но Снусмумрик так разозлился, что даже не думал ему помогать.

Наконец на берег вылезло жалкое тощее существо и, стуча зубами, сказал:

– Привет. Я так счастлив с тобой познакомиться.

– Привет, – холодно ответил Снусмумрик.

– Можно погреться у твоего огня? – спросил зверёк и просиял всей своей мокрой физиономией. – Неужели я буду Тем, кому однажды довелось сидеть у костра Снусмумрика? Никогда в жизни этого не забуду.

Зверёк придвинулся ближе, положил лапку на рюкзак Снусмумрика и торжественно прошептал:

– Это здесь ты хранишь свою гармошку, да? Она тут?

– Да, – довольно резко ответил Снусмумрик.

Его мелодия одиночества пропала – настроение было испорчено. Снусмумрик стиснул зубами трубку и уставился на берёзы невидящим взглядом.

– Я не буду тебе мешать! – невинно воскликнул зверёк. – Ну, то есть если ты вдруг хотел немного поиграть. Ты даже не представляешь, как я скучаю по музыке. никогда не слышал музыки. Но я слышал о тебе. Ёж, и кнютт, и мама рассказывали... А кнютт даже видел тебя! Если бы ты только знал... здесь у нас так мало чего происходит... а мы так много мечтаем...

– И как тебя зовут? – спросил Снусмумрик. Он решил, что проще будет что-нибудь сказать, раз вечер всё равно испорчен.

– Я такой маленький, что у меня нет имени, – поспешил ответить зверёк. – Подумать только, ведь меня раньше никто и не спрашивал. И вдруг появляешься ты – а я столько слышал о тебе и так мечтал увидеть! – и спрашиваешь, как меня зовут. Скажи, как ты думаешь, вдруг

это возможно... ну, то есть... не затруднит ли тебя придумать мне имя, такое, чтобы оно было только моё, и ничьё больше? Вот прямо сейчас, сегодня, этим вечером?

Снусмумрик что-то буркнул и надвинул шляпу на глаза. Кто-то с длинными острыми крыльями пролетел над ручьём и прокричал печально и протяжно:

– Ю-юуу, ю-юуу, ти-уу...

– Если кем-то восхищаться, никогда не станешь по-настоящему свободным, – внезапно сказал Снусмумрик. – Это я точно знаю.

– Я знаю, что ты всё знаешь, – сказал маленький зверёк и придвинулся ещё ближе. – Я знаю, что ты всё видел. Всё, что ты говоришь, – правда, и я всегда буду стремиться стать таким же свободным, как ты. Ты пойдёшь домой, в Муми-долину, там отдохнёшь, повстречаешь знакомых... Ёж говорит, что, когда Муми-тролль проснулся после зимней спячки, он сразу затосковал по тебе... Правда же здорово, когда есть кто-то, кто скучает по тебе и ждёт, ждёт?

– Я вернусь, когда захочу! – в сердцах воскликнул Снусмумрик. – А может, и не вернусь вовсе. А может, вообще пойду в другую сторону.

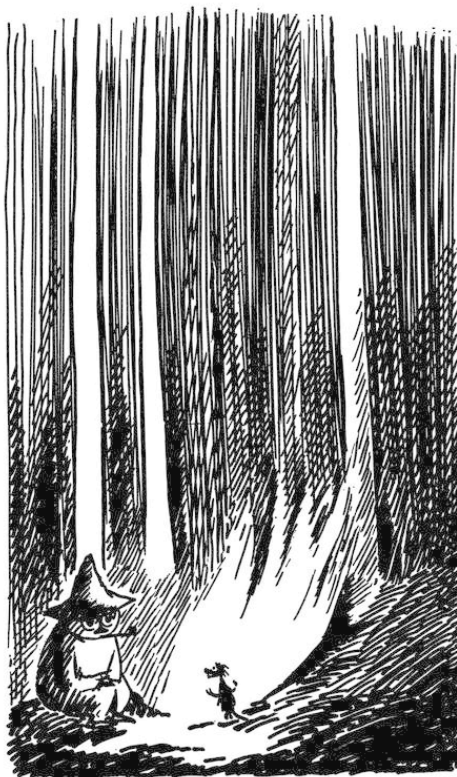
– О, тогда Муми-тролль, наверное, огорчится, – сказал зверёк.

Его шерстка уже немного подсохла – спереди она была нежная и светло-коричневая. Зверёк снова потрогал рюкзак и осторожно спросил:

– А ты не мог бы... Ведь ты так много путешествовал...

– Нет, – сказал Снусмумрик. – Не сейчас.

И с досадой подумал: «Дались им мои путешествия! Неужели не понятно, что слова только всё разрушают? А потом ничегошеньки не остаётся: пытаешься припомнить, как оно было, и вспоминаешь только свой собственный рассказ».

Они долго молчали. Снова крикнула ночная птица.
И тогда зверёк встал и едва слышно пропищал:

– Ну что ж, тогда я пойду домой. До свидания.

– Пока, – сказал Снусмумрик и поёжился. – Слушай. Кстати... Ты про имя спрашивал. Ты мог бы зваться Титиуу. Титиуу – как тебе, а? Весёлое начало и долгое «у» в конце.

Зверёк стоял, глядя в одну точку, и глаза его горели жёлтым в отсветах костра. Он обдумывал своё новое имя, которое принадлежало только ему одному, пробовал его на вкус, прислушивался, заползал внутрь него и наконец, обратив мордочку к небу, нараспев протянул:

– Тити-у-у! – так печально и замороженно, что у Снусмумрика по спине побежали мурашки.

В вереске мелькнул коричневый хвостик, и всё стихло.

– Тьфу! – Снусмумрик пнул ногой угли. Вытряхнул трубку, потом наконец встал и крикнул: – Эй! Вернись.

Но лес молчал.

– Что ж, – сказал Снусмумрик. – Невозможно всегда быть общительным и любезным. У меня на это просто нет времени. К тому же имя своё зверёк получил.

Снусмумрик снова сел и стал ждать песню, прислушиваясь к ручью и к тишине. Но песня не приходила. Она улетела, понял Снусмумрик, и так далеко, что её уже не поймать. Возможно, никогда. В голове звучал только радостный и смущённый голос зверька, который всё говорил, говорил и говорил...

– Таким лучше дома сидеть, с мамочкой, – сердито сказал Снусмумрик и растянулся на еловых ветках.

Полежав немного, он сел и опять крикнул в сторону леса. Долго прислушивался, потом надвинул шляпу на нос и собрался спать.

На следующее утро Снусмумрик двинулся дальше. Он не выспался, настроение было скверное. Он брёл на север, не глядя ни вправо, ни влево, и под шляпой у него не звучало ничего похожего на мелодию.

Зверёк никак не шёл у него из головы. Снусмумрик помнил каждое его слово и каждое своё слово и мысленно раз за разом повторял вчерашний разговор, пока ему не стало дурно; он не мог больше идти. Измождённый и совершенно сбитый с толку, Снусмумрик сел.

«Что это со мной? – разозлился он. – Никогда я таким не был. Должно быть, я заболел».

Снусмумрик встал и медленно побрёл дальше, снова и снова перебирая в памяти, что сказал зверёк и что он ему ответил.

Наконец он понял, что больше так не может. Когда солнце было уже высоко, Снусмумрик развернулся и зашагал обратно.

И вскоре он почувствовал себя лучше. Он шагал быстрее и быстрее, он спотыкался и бежал. Возле ушей кружили разные коротенькие мелодии, но ему было не до них. К вечеру он дошёл до берёзовой рощи и закричал:

– Тити-у-у! Тити-у-у!

Ночные птицы проснулись и – ти-у-у, ти-у-у! – ответили на его зов, но зверёк не откликнулся.

Снусмумрик исходил весь лес вдоль и поперёк, он искал, искал и звал, пока не наступили сумерки. Над полянкой взошёл месяц, Снусмумрик стоял и смотрел на него, совершенно растерянный.

«Новый месяц родился, – подумал он. – Надо бы загадать желание».

Он хотел было уже загадать, как всегда, новую песню – или, как случалось иногда, новые дороги, – но быстро передумал и сказал:

– Разыскать Титиуу.

Потом три раза повернулся и пошагал через поляну в лес и напрямик через кряж. В кустах зашуршал кто-то светло-коричневый и взъерошенный.

– Тити-у-у! – медленно позвал Снусмумрик. – Я вернулся с тобой поговорить.

– О! Привет! – сказал Титиуу, выглянув из кустов. – Это хорошо, а я покажу тебе, что я сделал. Табличка на дверь! Смотри! Моё собственное новое имя, которое будет висеть на моей двери, когда у меня будет свой дом. – Зверёк показал обломок сосновой коры, на котором было вырезано его имя, и важно продолжил: – Красиво, правда? Все просто в восторге.

– Замечательно! – сказал Снусмумрик. – Значит, у тебя будет новый дом?

– Ага! – ответил зверёк, сияя от радости. – Я ушёл из дома и зажил настоящей жизнью! Это так увлекательно! Понимаешь, пока у меня не было имени, я только метался туда-сюда, смотрел и принохивался – как бы просто так, а события мельтешили и проносились мимо. Иногда они были опасные, иногда неопасные, но ни одно из них не было *настоящим*, понимаешь?

Снусмумрик хотел что-то сказать, но зверёк продолжал:

– Теперь я – самостоятельная личность, и всё, что происходит, имеет какой-то смысл. Потому что это происходит не просто так – это происходит со *мною*, с Титиуу. И Титиуу смотрит на вещи так или сяк. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

– Конечно понимаю, – заверил его Снусмумрик. – Я очень рад за тебя!

Титиуу кивнул и опять завожился в кустах.

– Знаешь, – сказал Снусмумрик. – Пожалуй, я всё-таки навещу Муми-тролля. Мне даже кажется, что я по нему соскучился.

– О?! – сказал Титиуу. – Муми-тролля? Ну да, конечно.

– И если хочешь, я могу тебе немного поиграть, – продолжил Снусмумрик. – Или порассказывать истории.

Зверёк выглянул из кустов и сказал:

– Истории? Ну да, конечно. Может быть, вечером. Сейчас я немного тороплюсь – надеюсь, ты меня простишь...

Светло-коричневый хвостик мелькнул в вереске, несколько секунд ничего не было видно, а потом чуть вдалеке показались уши, и Ти-ти-у радостно крикнул:

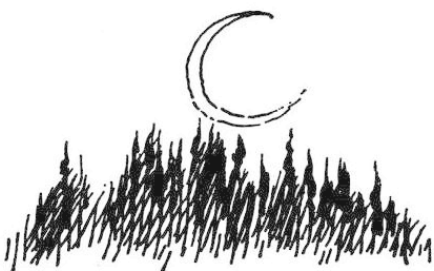
– Пока! Передавай привет Муми-троллю! Я должен торопиться жить, ведь столько времени потрачено зря!

Не успел Снусмумрик и глазом моргнуть, как Ти-ти-у исчез.

Снусмумрик почесал в затылке.

– Так-так, – сказал он. – Ясно. Вот, значит, как.

Растянувшись во мху, он поглядел в ночное весеннее небо, синее сверху, а над деревьями зелёное, как море. Где-то под шляпой зашевелилась его песня – та, в которой будет толика приятных предвкушений и две толики весенней грусти, а остальное – бесконечный восторг одиночества.

Страшная история

Средний хомса пробирался на четвереньках вдоль забора. Иногда он ненадолго останавливался, высматривая врага в щели между досками. Младший брат следовал за ним.

Добравшись до огорода, хомса лёг на землю и дальше пополз на животе по грядкам салата. По-другому было нельзя. Вражеские шпионы были повсюду, некоторые даже в воздухе.

– Я буду весь чёрный, – сказал младший брат.

– Молчи, если жизнь тебе дорога, – прошептал хомса. – Конечно, ты будешь чёрный, а каким бы ты хотел стать в мангровых зарослях, синим, что ли?

– Это салат, – возразил младший хомса.

– Этак ты, пожалуй, скоро повзрослеешь, – предупредил его брат. – Станешь как мама и папа – и поделом тебе. Потом ты научишься видеть и слышать, как все, а это значит, что ты научишься видеть и слышать, а там тебе и конец придёт.

– Ой, – сказал младший брат и запихнул в рот горсть земли.

– Эта земля отравлена, – коротко сказал хомса. – И то, что на ней растёт, тоже отравлено. Теперь нас заметили, и всё из-за тебя.

Через гороховые плети на них спикировали два шпиона, но хомса быстро с ними разделся. Задыхаясь от напряжения и усталости, он сполз в канаву и замер неподвижно, как лягушка. Он вслушивался так, что дрожали уши, а голова раскалывалась на части. Другие шпионы бесшумно приближались, они медленно ползли по траве. По траве прерий. Их было не счесть.

– Эй, – позвал младший брат сверху. – Я хочу домой.

– Вряд ли ты когда-нибудь вернёшься домой, – мрачно заметил средний хомса. – Твои кости навсегда останутся белеть в прериях, мама и папа, оплакивая тебя, утонут в собственных слезах, и всё превратится в ничто и огласится одиноким воем гиен.

Младший брат открыл рот, набрал воздуха и заревел.

Судя по звуку, реветь он собирался долго, поэтому дальше хомса пополз один. Он не имел ни малейшего представления о расположении противника и не знал уже даже, как он выглядит.

Чувствуя, что его предали, хомса гневно подумал: «И зачем только нужны эти младшие братья! Лучше бы они сразу рождались взрослыми или не рождались вообще. Они ничего не знают о войне. Лучше бы их держать в ящике, пока не наберутся ума».

В канаве было мокро, поэтому хомса встал и зашагал по воде. Это была большая и длинная канава. Хомса решил открыть Южный полюс и всё шёл и шёл вперёд. Он устал, силы были на исходе, потому что вода и провизия кончились и его, к сожалению, укусил белый медведь.

В конце концов канава ушла под землю, и Южный полюс целиком и полностью достался хомсе.

Он стоял на болоте.

Болото было серое, местами тёмно-зелёное, с блестящими чёрными озерами. Повсюду, точно снег, белела пушица. Приятно пахло сыростью.

– Болото – запретное место, – рассуждал хомса вслух. – Маленьким хомсам сюда нельзя, а большие хомсы сюда не ходят. Но никто, кроме меня, не знает, что в нём опасного. Поздно ночью здесь проезжает большая призрачная колесница с большими тяжёлыми колёсами. Их стук слышен издали, но кто сидит на козлах и правит – никому не известно...

– О нет! – похолодев, воскликнул хомса.

Его вдруг охватил страх – с самого живота до головы. Только что не было никакой колесницы, и никто о ней и не слыхивал. Однако стоило ему подумать о ней, как она появилась. Она где-то там, далеко, ждёт не дождётся темноты, чтобы пуститься в путь.

– Мне кажется, – сказал хомса, – мне кажется, что я сейчас – хомса, который десять лет ищет свой дом и наконец почувствовал, что дом где-то рядом.

Он принялся, определяя направление, и пошёл, размышляя о разных болотных змеях и живых грибах, пока они не начали вырастать перед ним во мху.

«Они разом сожрут младшего брата, – подумал хомса. – Если ещё не сожрали. Они повсюду. Я опасаюсь худшего. Но надежда умирает последней – ведь всегда можно снарядить спасательную экспедицию».

Хомса побежал.

«Бедный брат, – думал он. – Такой маленький и такой глупый. Когда болотные змеи его схватят, у меня больше не будет младшего брата и я сам стану младшим...»

Он всхлипывал и продолжал бежать, волосы взмокли от ужаса. Спрыгнув в ручей, хомса перебрался на ту сторону и помчался дальше, мимо дровяного сарая, вверх по ступенькам, и всё кричал, кричал:

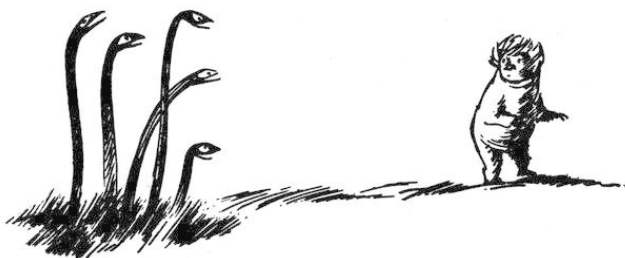
– Мама! Папа! Младшего брата съели!

Мама хомсы была большая и тревожная, она всегда была тревожная. Она вскочила на ноги, горох из её передника высыпался и раскатился по полу.

– Что такое? Что такое? Что ты говоришь? – закричала она. – Где твой брат? Ты за ним не следил?!

– Ах, – сказал хомса, слегка успокоившись. – Он провалился в трясину. И тогда почти сразу из норы выползла болотная змея. Она обвила его пухлый живот и откусила ему нос. Вот. Я в ужасе, но что я мог поделать? Болотных змей на свете куда больше, чем младших братьев.

– Змея?! – закричала мама.

Но папа сказал:

– Успокойся. Он шутит. Вот увидишь, он просто шутит.

И папа быстро, чтобы не начать волноваться, посмотрел на пригорок – и впрямь, там сидел младший хомса и ел песок.

– Сколько раз я просил тебя так не шутить, – сказал папа, а мама поплакала немного и спросила:

– Может, его выпороть?

– Можно, – ответил папа, – но сейчас мне немного лень. Пусть просто признает, что так шутить некрасиво.

– Я не шутил, – возразил хомса.

– Ты сказал, что твоего брата съели, а его никто не ел, – объяснил папа.

– Ну и хорошо, разве нет? – воскликнул хомса. – Вы что, не рады? Лично я очень рад и чувствую большое облегчение. Понимаете, такие болотные змеи могут в один присест сожрать кого угодно. И не останется ничего – пустое место. Только гиена будет хохотать в ночи.

– Прошу тебя, перестань, – попросила мама. – *Пожалуйста.*

– Так что всё замечательно, – радостно заключил хомса. – У нас сегодня будет десерт?

Тогда папа вдруг разозлился и сказал:

– Ты сегодня останешься без десерта. И без ужина тоже, пока не осознаешь, что так шутить нельзя.

– Ясное дело, нельзя, – удивлённо ответил хомса. – Это некрасиво.

– Ну что ты будешь делать! – сказала мама. – Ладно, пусть он поест, всё равно он ничего не понимает.

– Ну уж нет, – заупрямился папа. – Если я сказал, что он останется без ужина, значит так и будет.

Просто бедный папа решил, что если он возьмёт свои слова обратно, то хомса никогда ему больше не поверит.

Поэтому на закате хомса отправился спать без ужина, страшно обиженный на папу и маму. Конечно, они частенько с ним плохо обращались, но так – ещё никогда. И хомса решил уйти из дома. Не для того, чтобы их наказать, он просто почувствовал вдруг, что бесконечно устал от них и от их неспособности увидеть и понять, что по-настоящему важно или опасно.

Они провели черту, разделив мир на две части, и сказали, что с одной стороны – правда, что в неё можно верить и ей можно пользоваться, а с другой – сплошь выдумки и ненужная чепуха.

– Что бы они делали, окажись они лицом к лицу с хотомомбом? – бормотал хомса, на цыпочках спускаясь по лестнице на задний двор. – То-то удивились бы! Или с болотной змеей. Я мог бы послать им одну – в ящике. Со стеклянной крышкой – всё-таки я не хочу, чтобы змея их сожрала.

Хомса пошёл на запретное болото, чтобы доказать самому себе, что он самостоятельный. Теперь болото было синее, почти чёрное, а небо – зелёное. На горизонте тянулась ярко-жёлтая полоса заката, отчего болото казалось бесконечно огромным и печальным.

– Это не шутки, – говорил хомса, шлёпая дальше. – Всё чистая правда. И враг, и хотомомб, и болотные змеи, и призрачная колесница. Они существуют точно так же, как ёлки, садовник, куры и самокат.

Хомса остановился среди осоки и замер, прислушиваясь.

Где-то далеко-далеко выкатилась призрачная колесница, вереск озарился красным. Колесница скрипела, стучала, катилась всё быстрее и быстрее.

– Не надо было говорить, что она существует, – сам себе сказал хомса. – Вот она и прикатила. Теперь только беги!

Болотные кочки уходили из-под ног; чёрные, как глаза, омуты выглядывали из осоки, грязь сочилась между пальцами.

– Только не думай о болотных змеях, – сказал себе хомса и тут же о них подумал, так сильно и так живо, что змеи выползли из нор и заоблизывались.

– Хочу быть таким, как мой толстый брат! – в отчаянии воскликнул хомса. – Он думает животом и объедается опилками, песком и землёй, пока они не встанут комом у него в горле. Однажды он попытался съесть свой воздушный шарик. Если бы ему это удалось, мы бы никогда его больше не увидели.

Поражённый этой мыслью, хомса остановился. Маленький толстый брат поднимается в воздух. Ножки беспомощно торчат в стороны, а изо рта свисает верёвочка...

О нет!

Вдалеке на болоте горело окошко. Как ни странно, это была не призрачная колесница, а всего лишь маленькое квадратное окошко, светившееся ровным светом.

– Сейчас ты туда пойдёшь, – сказал хомса. – Пойдёшь, не побежишь – иначе испугаешься. И ни о чём не думай, просто иди.

Домик был круглый, – видно, там жила какая-то мюмла. Хомса постучал. Потом постучал ещё раз, и ещё, и, не дождавшись ответа, вошёл.

Внутри было тепло и уютно. Лампа стояла на подоконнике, и ночь из-за неё казалась чёрной как уголь. Где-то тикали часы, а со шкафа, с самого верха, на хомсу смотрела крошечная мюмла.

– Привет, – сказал хомса. – Еле ноги унёс. Болотные змеи и живые грибы! Если б ты только знала!

Маленькая мюмла пристально разглядывала его. Немного помолчав, она сказала:

– Я Мю. Я тебя уже видела. Ты выгуливал маленького толстого хомсу и всё время бормотал себе под нос и размахивал лапами. Ха-ха.

– Ну и что? – ответил хомса. – Почему ты сидишь на шкафу? Это глупо.

– Как сказать... – протянула малышка Мю. – Для кого-то, может, и глупо, а для меня – единственное спасение от страшной судьбы. – Она свесилась со шкафа и прошептала: – Живые грибы добрались до гостиной.

– Что?! – воскликнул хомса.

– Отсюда мне видно, что они сидят и за дверью тоже, – продолжала малышка Мю. – Ждут. Было бы неплохо свернуть этот ковёр и подложить под дверь. Иначе они проползут в щель.

– Ты серьёзно? – спросил хомса. В горле у него застрял комок. – Этих грибов ещё утром не было. Это я их придумал.

– Вот как? – высокомерно отозвалась Мю. – Такие липкие, да? Которые растут толстым слоем и могут заползти на тебя и приклеиться?

– Я не знаю, – дрожащим голосом прошептал хомса. – Я не знаю...

– Моя бабушка уже вся ими заросла, – как бы между прочим сказала Мю. – Она там, в гостиной. Вернее, то, что от неё осталось. Она теперь похожа на большой зелёный холм, только усики торчат с одного боку. Ты под эту дверь тоже коврик подложи. Если это, конечно, поможет.

Сердце хомсы громко стучало, руки не слушались. Он с большим трудом свернул коврик. Где-то в доме продолжали тикать часы.

– Это от грибов такой звук, – объяснила Мю. – Они растут, растут, пока двери не лопнут, и тогда они заползут на тебя.

– Я хочу на шкаф! – завопил хомса.

– Здесь нет места, – сказала Мю.

В дверь с улицы постучали.

– Странно, – проговорила малышка Мю и вздохнула. – Странно, что они утруждают себя стуком, хотя могут войти, когда захотят...

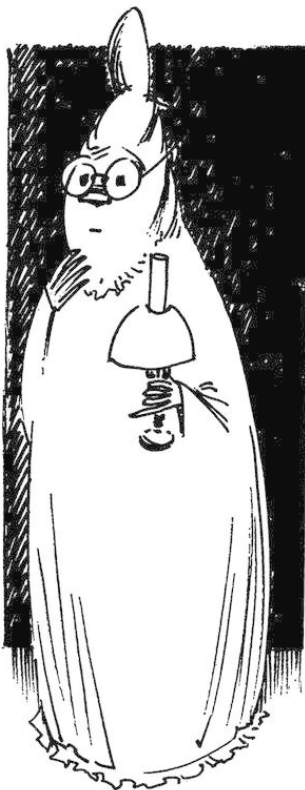
Хомса бросился к шкафу и попытался залезть наверх. Стук повторился.

– Мю! Стучат! – крикнул кто-то в доме.

– Да, да, да, – крикнула Мю в ответ. – Открыто! Это бабушка, – объяснила она хомсе. – Удивительно, что она до сих пор может говорить.

Хомса не сводил глаз с двери в гостиную. Она медленно отворилась – маленькая чёрная щёлка. Хомса вскрикнул и кубарем закатился под диван.

– Мю, – сказала бабушка. – Сколько раз я просила тебя открывать, когда стучат! И зачем ты положила под дверь коврик? И почему ты никогда не дашь мне спокойно поспать!

Это была ужасно старая и сердитая бабушка в широкой белой ночной рубашке. Она про- шаркала через комнату, открыла входную дверь и сказала:

– Добрый вечер.

– Добрый вечер, – ответил папа хомсы. – Извините за беспокойство. Вы, случайно, не видели моего сына, среднего?..

– Он под диваном! – крикнула малышка Мю.

– Можешь вылезать, – сказал папа хомсе. – Я на тебя не сержусь.

– Вот как, под диваном, значит. Ясно, – устало сказала бабушка. – Знаете, я очень люблю, когда в гости приходят внуки, и Мю тоже может приглашать сюда своих друзей. Но я бы предпочла, чтобы дети играли днём, а не ночью.

– Мне очень жаль, – быстро проговорил папа. – В следующий раз мой сын придёт утром.

Хомса вылез из-под дивана. Не глядя ни на Мю, ни на её бабушку, он прошёл напрямик к двери, шагнул на крыльцо и дальше, в темноту.

Папа шёл рядом молча. Хомса чуть не плакал от обиды.

– Папа! Эта девочка... ты себе не представляешь... Я туда больше никогда не пойду! – взахлёб возмутился он. – Она обманула меня! Она надо мной подшутила! Она такая обманщица, что просто тошно!

– Понимаю, – успокоил его папа. – Это действительно бывает ужасно неприятно.

И они вернулись домой и съели всё, что осталось от десерта.

Филифьонка, которая верила в катастрофы

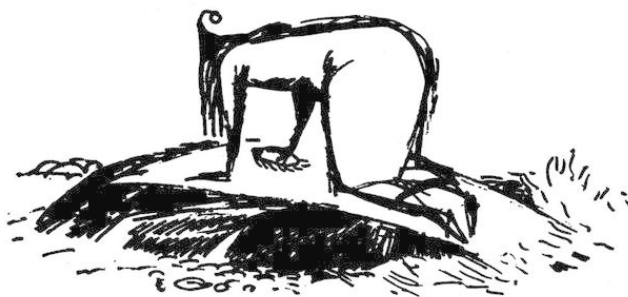
Как-то раз одна филифьонка стирала в море свой большой тканый коврик. Она тёрла его щёткой и мылом до голубой полосы, потом дожидалась седьмой волны, и та смывала пену.

Потом она тёрла дальше, до следующей голубой полосы. Солнце пригревало ей спину, а она всё тёрла и тёрла, стоя худенькими ножками в воде.

Был тёплый и безветренный летний день, как нельзя лучше подходящий для стирки ковриков. В помощь Филифьонке набегали прибрежные волны, вялые и сонные, а вокруг её красной шапочки жужжали шмели, по ошибке приняв Филифьонку за цветок.

«Веселитесь, – горестно подумала Филифьонка. – Я-то знаю, как всё обстоит на самом деле. Такое затишье всегда предшествует катастрофе».

Она достирала до последней голубой полосы, дождалась седьмой волны, а потом опустила весь половик в море, чтобы хорошенько прополоскать.

Под водой, на гладком красном валуне, плясали солнечные зайчики. Пробегая мимо Филифьонки, они запрыгивали ей на ноги и золотили пальцы.

Филифьонка задумалась. Может, приобрести новую шапочку, оранжевую? Или вышить солнечных зайчиков по кромке старой? Золотыми нитками. Только вот танцевать они, конечно, не смогут. И что делать с новой шапочкой, когда придёт беда? Да и какая, в конце концов, разница, в чём погибать...

Филифьонка вытащила половик на берег, выбила его о камень и стала уныло топтаться по нему, чтобы отжать остатки воды.

Слишком уж хороша нынче погода, неестественно хороша. Что-то непременно произойдёт. Филифьонка точно это знала. Где-то за горизонтом сгушалось нечто тёмное и ужасное – оно карабкалось вверх, оно приближалось, быстрее и быстрее...

– Знать бы ещё, что это такое, – еле слышно прошептала Филифьонка. – Море почернеет, раздастся далёкий рокот, погаснет солнце...

Филифьонкино сердце заколотилось, спина похолодела. Она резко обернулась, словно сзади притаился враг. Но море сверкало всё так же весело, солнечные зайчики на дне выписывали игривые восьмёрки, а летний ветер утешительно ласкал лицо.

Но не так-то просто утешить филифьонку, которую вдруг ни с того ни с сего охватила паника.

Дрожащими руками она разложила коврик на просушку, схватила мыло и щётку и побежала домой ставить чай. Гафса обещала зайти около пяти.

Дом, где жила Филифьонка, был большой и не особенно красивый. Кто-то, видно желая избавиться от остатков старой краски, выкрасил его тёмно-зелёным снаружи и коричневым изнутри. Филифьонка сняла его без мебели у одного хемуля, который уверял её, что Филифьонкина бабушка в юности любила бывать здесь летом. А поскольку Филифьонка очень дорожила семейными узами, она сразу решила, что снимет тот же дом в память о бабушке.

В первый же вечер Филифьонка сидела на крыльце, поражаясь тому, какой не похожей на саму себя была её бабушка в юности. Как, спрашивается, истинная филифьонка, столь тонко чувствующая красоту природы, могла поселиться на этом жутком, пустынном берегу? Ни тебе фруктового сада, чтобы наварить варенья на зиму, ни жалкого деревца, в листве которого можно устроить беседку. Даже пейзаж и тот не радует.

Филифьонка вздыхала, обречённо глядя на зелёное предзакатное море, окаймлявшее берег прибоем. Повсюду, куда ни глянь, зелёное море, белый песок, красные водоросли. Идеальное место для катастроф. Глазу не за что зацепиться.

Потом-то, конечно, Филифьонка узнала, что всё это ошибка.

Она поселилась в этом жутком доме на этом жутком берегу совершенно напрасно. Её бабушка жила в другом доме. Вот как бывает в этой жизни.

Но поскольку Филифьонка уже сообщила о своём переезде всем родственникам, она решила остаться, ведь куда же это годится – без конца переезжать с места на место.

Родственники могут подумать, что она легкомысленная ветреница.

Филифьонка осталась и попыталась навести уют. Это оказалось непросто. Потолки в комнатах были такие высокие, что вечно тонули в тени. Окна – такие громадные и угрюмые, что никакой тюль в мире не превратил бы их в приветливые окошки. Эти окна не для того, чтобы смотреть на улицу, наоборот – в них мог заглянуть любой прохожий, а это Филифьонке было не по душе.

Она пробовала обустроить уютные уголки, но уюта не получалось. Её мебель терялась в чужом, огромном пространстве. Стулья беспомощно теснились у стола, диван боязливо жался к стене, а круглые пятна света, падавшие от ламп, казались такими же одинокими, как дрожащий луч карманного фонарика в тёмном лесу.

Как у всех настоящих филифьонок, у неё было много разных безделушек. Зеркальца, фотографии родственников в рамках из бархата и ракушек, фарфоровые кошечки и хемули на вязанных крючком салфетках, изящные афоризмы, вышитые шёлком и серебром, крошечные вазочки и симпатичные грелки на чайник в виде мюмл – словом, всё то, что скрашивает жизнь и делает её не такой большой и опасной.

Но в мрачном доме у моря эти прекрасные, любимые Филифьонкой вещи не приносили ей утешения и потеряли свой смысл. Она переставляла их со стола на комод, с комода на подоконник, но они всюду оказывались не на месте.

И вот они опять. Стоят, такие же никчёмные.

Филифьонка замерла в дверях, глядя на безделушки и ища у них поддержки. Но они были так же беспомощны, как и она сама. Филифьонка вошла в кухню и положила щётку и мыло возле раковины. Потом разожгла огонь, поставила воду на плиту и взяла самые красивые чашки с золотой каёмкой. Сняла с полки блюдо с печеньем, ловко сдула крошки с краёв и положила сверху немного свежего печенья с глазурью, чтобы произвести впечатление на Гафсу.

Гафса пила чай без сливок, но Филифьонка всё равно достала серебряный бабушкин сливочник в форме лодочки. Сахар она подала в маленькой бархатной корзиночке с расшитой жемчугом ручкой.

Накрывая на стол, она чувствовала себя совершенно спокойно, и мысли о катастрофе её не тревожили.

Жаль только, в этих безнадёжных краях не найти приятных, подходящих к её обстановке цветов. То, что нарвала Филифьонка, было похоже на злобный ошетилившийся куст и никак не сочеталось с гостиной. Филифьонка наградила куст недовольным вздохом и шагнула к окну – проверить, не идёт ли Гафса.

Потом быстро подумала: «Нет-нет. Не буду смотреть. Подожду, когда она постучит. И тогда подбегу, открою, и мы обе обрадуемся и будем болтать, болтать... А то вдруг я выгляну, а берег окажется пуст до самого маяка? Или, чего доброго, увижу маленькую приближающуюся точку – а я так не люблю, когда что-то неумолимо приближается... Или вдруг эта точка, наоборот, начнёт уменьшаться и в конце концов исчезнет...»

Филифьонка задрожала. «Что со мной? – подумала она. – Надо обсудить это с Гафсой. Возможно, Гафса не самая приятная собеседница, но больше я никого не знаю».

В дом постучали. Филифьонка бросилась в прихожую и заговорила ещё до того, как открыла дверь.

– ...Какая нынче погода! – закричала она. – А море, море... такое синее, приветливое, ни ветерка! Как поживаете? Вы изумительно выглядите, но я ничуть не удивлена... Этот образ жизни, природа, свежий воздух... ведь это так всё упрощает, правда?

«Сегодня она ещё тревожнее, чем обычно», – подумала Гафса и сняла перчатки (ибо она была настоящей дамой), а вслух сказала:

– Ну конечно. Вы совершенно правы, фру Филифьонка.

Дамы сели за стол, и от счастья, что она не одна, Филифьонка говорила без умолку и пролила чай на скатерть.

Гафса нахваливала печенье, и сахарницу, и всё, что попадалось ей на глаза. Только о цветах ничего не сказала. Гафса была хорошо воспитана. Ведь кто угодно заметил бы, что злобный дикий куст не сочетается с чайным сервизом.

Скоро Филифьонка умолкла, а поскольку Гафса тоже ничего не говорила, в комнате повисла тишина.

Вдруг солнечный свет на скатерти потух. Громадные угрюмые окна заволочло тучами, и дамы услышали отдалённый шум ветра с моря. Как шёпот.

– Фру Филифьонка, вы, кажется, постирали коврик? – вежливо поинтересовалась Гафса.

– Да, ведь говорят, морская вода идеально подходит для ковриков, – ответила Филифьонка. – Краски не линяют, и запах потом такой свежий...

«Надо, чтобы Гафса поняла, – думала она. – Надо, чтобы хоть кто-нибудь понял, как мне страшно. Понял и сказал: ну конечно, я отлично тебя понимаю. Или так: милая, ну чего ты боишься? В такой погожий летний день! Что угодно, лишь бы что-нибудь сказали».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.